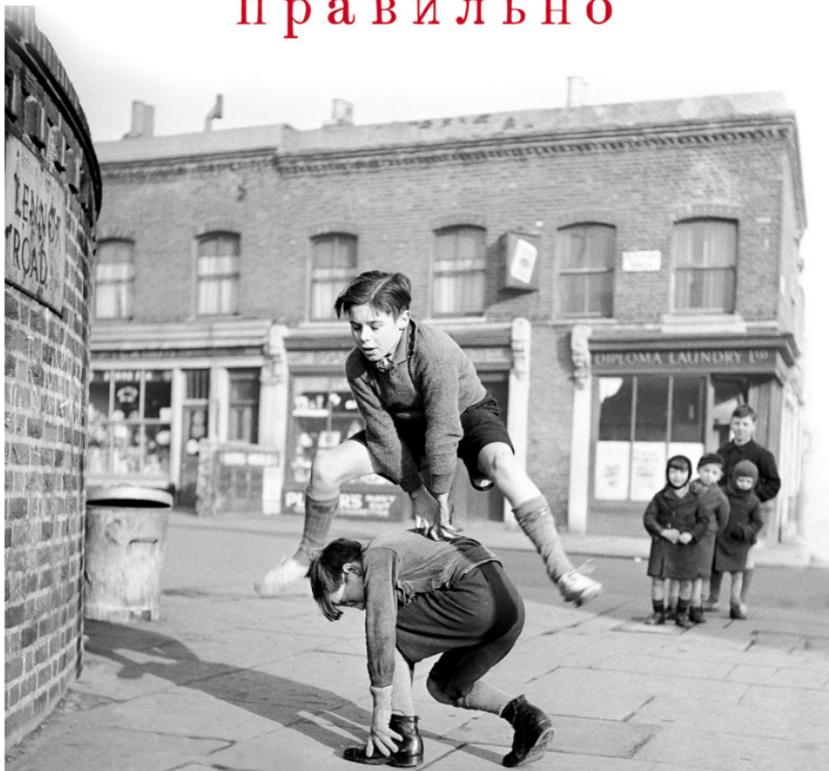

INSPIRIA

Хилари Мантел

18+

УЧИТЬСЯ
ГОВОРИТЬ
ПРАВИЛЬНО

INSPIRIA

Хилари Мантел

Учиться говорить правильно

Серия «Loft. Романы Хилари Мантел»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70005199

Учиться говорить правильно:

ISBN 978-5-04-196214-2

Аннотация

Сборник рассказов двукратного лауреата Букеровской премии.

Эти острые, порой смешные, взятые из жизни истории относятся к началу 1950-х годов. Их герои обитают в замкнутом мирке фабричного поселка на севере Англии, где местность «исхлестана жестокими ветрами и грубыми сплетнями».

В рассказе «Король Билли – джентльмен» главному герою предстоит смириться с потерей отца и неразрешимой загадкой угасающего ирландского наследия. «Путь красоты извилист» повествует о силе дружбы и (почти) катастрофе на свалке. В истории «Учиться говорить правильно» Хилари Мантел исправляет свой северный говор с помощью бывшей актрисы, у которой «только одно легкое» и «весьма заметный манчестерский акцент», а героиня рассказа «На третий этаж» с изумлением наблюдает, как ее мать обретает новую личность, невзирая на предрассудки.

Содержание

Предисловие	5
Король Билли – джентльмен	9
Сгинувший	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Хилари Мантел

Учиться говорить

правильно

Hilary Mantel

LEARNING TO TALK

Copyright © 2003 by Hilary Mantel

All rights reserved.

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*И снова с любовью – Анне Терезе,
а также ее дочери и
дочери ее дочери*

Предисловие

Это истории о детстве и юности, собранные воедино после многолетней обработки – да, именно многолетней, ибо для меня процесс завершения рассказа всегда связан с мучительным напряжением и преодолением самой себя. Например, рассказ «Король Билли – джентльмен» получился буквально сразу от первой строки до последней, но мне понадобилось целых двенадцать лет, чтобы окончательно доделать середину. Рассказы уже в процессе их написания как бы сами собой превращаются в нечто новое, порождают другие истории, даже если ты этого и не замечаешь, и в итоге первый вариант оказывается всего лишь неким промежуточным звеном, «репетицией» второго варианта, второй – третьего и так далее.

Все мои рассказы проистекают из вопросов, которые я задавала себе о ранних годах своей жизни. Однако не могу утверждать, что, препарирруя собственную жизнь и облекая ее в художественную форму, я как бы складывала пазлы, хоть и вынуждена признаться: отдельные детальки этих «пазлов» я все же по-своему переставляла. Я выросла в деревне на севере Англии, на самой границе Скалистого края, в графстве Дербишир, где происходит действие моего романа «Фладд» (Fludd). Собственно, это была даже не деревня, а промышленный поселок с несколькими поччерневши-

ми от сажи текстильными фабриками и крутыми улочками, сплошь застроенными рядами стандартных холодных домов, столь характерных для рабочих районов Англии. Мои предки, как и предки многих местных жителей, прибыли из Ирландии в поисках работы, и, хотя ко времени моего появления на свет кровопролитных сражений на улицах уже практически не возникало, все же первое, что тебе становилось известно о каждом из твоих соседей, это его вероисповедание. Моральное состояние и нравы представителей римско-католического меньшинства в высшей степени подробно освещались священниками во время проповедей, а в итоге всеми нами, и протестантами, и католиками, руководили слухи и сплетни.

Несмотря на то внимание, которое католики уделяют вопросам морали, моя мать – мне тогда было лет семь – позволила собственному любовнику поселиться у нас в доме. И в итоге года четыре я прожила как бы с двумя отцами. Ситуация в целом сложилась настолько необычная, что если бы я поместила ее в рассказ, так сказать, «во всей красе», то она попросту выдавила бы оттуда все прочие элементы сюжета. А потому в моих рассказах «гости» превращаются в «отцов», а брошенные отцы убегают из дома, растворяясь в голубой дали, и все эти персонажи существуют в некоем странном переплетении судеб, точно голоса фуги. Никто из этих персонажей моим настоящим отцом не является, зато все они как бы позволяют другим персонажам и другим нитям сюже-

та существовать рядом с ними внутри одного повествования. Так что автобиографическими я бы эти рассказы не назвала; скорее уж их можно назвать *автоскопическими*, ибо они дают мне возможность и даже простор для выражения моих собственных воззрений. Оглядываясь назад – с приличного, надо сказать, расстояния и как бы сверху, – я, точнее мое писательское «я», вижу себя как какое-то существо, уменьшившееся до размеров ракушки и ждущее, когда его наполнят плотью фраз. Очертания этой «ракушки» приблизительно совпадают с очертаниями моего тела, однако ее как бы окружает некая полутьма, *penumbra*, оставляющая возможность для обсуждения и переоценки.

Мне было одиннадцать, когда в результате переезда в другой город я лишилась одного из отцов и обрела новую фамилию. Шок, испытанный мной в связи с обретением нового социального статуса, описан в маленьком рассказе, основные темы которого – деление общества на классы, снобизм и борьба за право быть услышанной, а сюжет вполне соответствует действительности, за исключением пары вполне реальных событий. А рассказ «На третий этаж» повествует о моей матери и ее поздно расцветшей карьере; это почти настоящий мемуар. Зато в последнем рассказе сборника, «С чистого листа», обе героини, мать и дочь, мной придуманы, а вот место действия абсолютно реальное. Родственники моего английского дедушки, Джорджа Фостера, как раз и проживали в такой деревне, которую пришлось затопить в свя-

зи со строительством водохранилища, снабжавшего водой крупные города северо-запада. Многочисленные истории о затонувших селениях, столь популярные во времена моего детства, и меня затащили в ту болотистую трясиину, что раскинулась между мифом и реалистическим рассказом о прошлом; с тех пор я так и бреду по колено в воде.

Хилари Мантел,
декабрь 2020

Король Билли – джентльмен

Сейчас я никак не могу выбросить из головы мысль о том, как же крепко большой город сжимал своими щупальцами тот фабричный поселок, где я родился. Поселок наш находился слишком близко от огромного Манчестера, чтобы проявлять самостоятельность и жить собственной жизнью. Зато у нас имелось регулярное железнодорожное сообщение, и поезда действительно ходили по расписанию, так что не требовалось ни подстергать неожиданно прибывший поезд, ни изучать привычки данного железнодорожного узла. А вот самих манчестерцев мы не любили. «Как же, городские! Да еще и сквоттеры – селятся на чужой земле и всё хитрят, так что хитрость из ушей лезет!» – примерно так-то, по-моему, было наше отношение к жителям Манчестера; мы гнусно ухмылялись, слыша, как неразборчиво-слитно они произносят знакомые слова, и непритворно жалели их за неказистую внешность. Моя мать, например, стойкая последовательница ламаркизма, была убеждена: у всех манчестерцев непропорционально длинные руки вследствие того, что многочисленные поколения этих людей трудились у ткацкого станка. И подобное отношение сохранялось до тех пор (но это было уже гораздо позже), пока с лица земли не стерли

одно из поселений «розовых»¹, а самих людей сотнями не переселили в другое место – так бывает, когда деревца начинают пересаживать на Рождество, а чтобы они получше прижились, их корни перед посадкой погружают в кипяток. А в общем-то до этого случая нам особо и не требовалось иметь какие-то дела с городскими жителями. Однако на вопрос, был ли я по-настоящему деревенским мальчишкой, я сразу отвечаю: нет, деревенским я точно не был. Наши местные нагромождения камней и сланцевых плит, добела исхлестанных жестокими ветрами и грубыми языками местных сплетников, никогда и не пытались соревноваться с благодатными сельскими угожьями Англии, с теми ее районами, где любят танцевать моррис, где существуют стипендии, студенческие братства и научные общества и где рекой течет старый добрый эль. Нет, наша местность, истерзанная непогодой, бесплодная и почти лишенная растительности, была похожа на лагерь для пересыльных, и жизни в ней было свойственно то же мертвящее постоянство, что и такому месту. Снег у нас в горах лежал до апреля.

Жили мы в верхнем конце поселка, и я был абсолютно убежден, что в нашем доме водятся привидения. Отец мой к этому времени из нашей жизни уже исчез, но, возможно, его дух, долговязый и мертвенно-бледный, все же проскальзывал порой в дверь вместе со сквозняком, и тогда шерсть

¹ То есть правых лейбористов-социалистов. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

на заливке нашего терьера неизменно вставляла дыбом. Отец был обычным конторским служащим, но у него было любимое хобби: он обожал разгадывать кроссворды и рассказывать всякие невероятные истории, причем во время рассказа запросто мог и приврать немного; а еще он любил несложные карточные игры и коллекционировал этикетки с сигаретных пачек. Однажды ветреным мартовским днем, в десять утра, отец просто взял и ушел из дома, захватив с собой только свои альбомы с наклейками и твидовое пальто; все свое белье и рубашки он оставил; мать потом все перестирала и выставила на грошовую благотворительную распродажу. Мы по нему не слишком скучали, вот только не хватало той песенки Pineapple Rag, которую он часто наигрывал на пианино.

А потом у нас появился этот Жилец. Он прибыл с еще более дальнего севера, и говор у него был протяжный, он в каждом слове так с удовольствием растягивал гласные, словно готовил из них некое блюдо, тогда как сами мы гласные зачастую глотали. Жилец оказался типичным холериком с крайне низкой температурой мгновенного возгорания. А еще он был весьма непредсказуем, и если нам хотелось знать, чего от него ожидать в ближайшем будущем, то следовало затаиться и очень внимательно за ним наблюдать, включив не только интуицию, но и все прочие органы чувств. Этот опыт очень пригодился мне, когда, став старше, я заинтересовался орнитологией и мне понадобилось подолгу наблюдать за птицами. Но это опять же было значительно позже, а тогда у

нас в деревне и птиц-то никаких интересных не было, одни воробьи да скворцы, ну и еще голуби, пользовавшиеся крайне дурной репутацией, однако с самым важным видом разгуливавшие по тамошним узким улочкам.

Сперва Жилец мной заинтересовался и стал звать меня на улицу, чтобы поиграть в футбол. Но я был не слишком крепким ребенком, да и умения у меня не хватало, хоть я, может, и был бы рад доставить ему удовольствие. Мяч как-то сам собой, точно шустрая зверушка, проскальзывал у меня между ногами. А когда меня одолевал очередной приступ удушливого кашля, Жилец просто пугался. Он сердито называл меня неженкой и тряпкой, но на лице у него был отчетливо написан страх. Впрочем, довольно скоро он, по-моему, решил списать меня со счетов. Я, во всяком случае, стал чувствовать, что раздражаю его. Обычно я ложился спать рано и подолгу лежал без сна, слушая стук, грохот и крики, доносившиеся снизу; дело в том, что Жильцу ссоры были столь же необходимы, как утренний завтрак. Наш терьер, желая поддержать компанию, тоже начинал рычать и тявкать, а через какое-то время я слышал, как мать, шмыгая носом, взбегаёт по лестнице наверх и что-то тихонько бормочет себе под нос. Однако расставаться с Жильцом она вовсе не собиралась, и я совершенно точно знал, что она так и намерена держать его при себе. Он приносил домой в конверте всю свою зарплату – а таких денег у нас в доме никогда прежде и не водилось – и первым делом вручал матери плату за квартиру,

а затем швырял конверт с деньгами на стол, и тогда уже мать сама, засунув в конверт свои маленькие пальчики с острыми ноготками, выдавала Жильцу несколько шиллингов на пиво и прочие вещи, которые, по ее разумению, непременно требовались мужчине. Мне она говорила, что у нашего Жильца во-о-от такие премиальные да к тому же он вскоре получит должность мастера, и вообще он наша жизненная удача. Наверное, если б я был девочкой, она бы мне и еще кое в чем призналась, но я и без этого вполне общую ситуацию улавливал: ясно было, к чему все клонится. И еще долго после того, как внизу стихали топот и крики, переставала лаять и успокаивалась собака, я продолжал лежать неподвижно не в силах уснуть и следил, как по углам расползаются темные тени; порой я задремывал, мечтая, чтобы меня больше не преследовали ни мысли, ни призраки и чтобы за одну ночь разом прошло несколько лет, и тогда, проснувшись, я был бы уже взрослым мужчиной. Проваливаясь в сон, я грезил о том, что в стене вдруг откроется маленькая волшебная дверца, я пройду в нее и окажусь в другой стране, где стану маленьким королем, страдающим астматическими приступами. И в этой стране, которой я отныне буду править, законом будут запрещены всякие ссоры. Затем ночь кончалась, наступал рассвет вполне реальной жизни, и, предположим, оказывалось, что сегодня суббота, а значит, мне так или иначе придется играть в саду.

Сад располагался за домом и представлял собой длинную

узкую полоску земли, окруженную ветхой изгородью и незаметно переходившую в серый, вытоптаный коровами луг. За лугом раскинулись болота, где среди травы виднелись спокойные озерца со стального цвета водой и аккуратные рядки хвойных деревьев всех оттенков зеленого, служившие доказательством добросовестной деятельности местного лесничества. Практически все соседские садики были точно такими же: в них мало что росло – так, сорная трава да какие-то чахлые низкорослые кустики; между изъеденными муравьями столбиками оград редко где виднелись куски натянутой проволоки, но в основном она была оборвана. Обычно я, добравшись до дальнего конца сада, развлекался тем, что вытаскивал из разваливающейся изгороди длинные ржавые гвозди или обрывал листья с кустов сирени, вдыхая с перепачканных рук запах ее зеленой «крови» и размышляя о той странной ситуации, которая сложилась в моей жизни.

Наш сосед Боб вместе со всем своим семейством был одним из первых, тогда еще немногочисленных, горожан, переселившихся в деревню. Возможно, это было связано с особым отношением Боба к земле. Сами-то мы даже, пожалуй, с недоверием смотрели на те жалкие плоды, которые ухитрялся производить наш сад: горсть червивой малины, вездесущие люпины, чрезвычайно успешно обсеменявшиеся, пробивающийся сквозь жесткую неухоженную землю ремень, который, кстати, никогда не срезали и не использовали в пищу. А вот Боб первым делом привел в порядок изго-

родь, явно почитая заботу о саде и земле как главную в своей жизни – иной раз казалось, что в сарае у него хранится Святой Грааль, а с вытоптанного коровами пастбища доносятся грозные вопли вандалов, вставших там лагерем. В саду Боб установил поистине военный порядок; это был *правильный* сад, хорошо знавший, кто его хозяин. Все живое произрастало там стройными рядами, попадало в землю из аккуратных пакетиков, на свет божий проклевывалось минута в минуту, словно по расписанию, и потом ростки стояли гордо и прямо в ожидании производимого Бобом осмотра. Неиспользованные цветочные горшки были сложены в аккуратные стопки, как шлемы воинов; сахарный тростник стоял как штык. И Бобби чувствовал себя истинным хозяином и благодетелем каждой пяди своей земли. Был он высокий и тощий, с тяжелой нижней челюстью, с каким-то отсутствующим взглядом голубых глаз; а еще он никогда не употреблял в пищу белый сахар – только коричневый.

Однажды над той изгородью, что проходила между нашим и соседним участком, вдруг появилась голова жены Боба, Майры. Ни с того ни с сего Майра принялась поносить мою мать, обвиняя ее в аморальном образе жизни и в том, какой дурной пример она подает ее, Майры, детям, а также всем прочим детям в округе. Майра чуть не лопалась от гнева, который, видно, слишком долго был заперт в бутылке, и я уставился на нее самым пронзительным своим взглядом, буквально стремясь ее этим взглядом испепелить. Хотя мне

и было-то всего лет восемь, с моих уст уже готовы были сорваться злые дурные слова, так и кипевшие на языке и, казалось, в кровь обдиравшие рот, точно сломанные зубы. Мне страшно хотелось объяснить ей, что дети, растущие на этих клочках земли – в том числе и ее собственные, – примерными уж точно не являются. Но тут моя мать, к которой, собственно, и была обращена гневная тирада Майры, неторопливо поднялась с кресла, на котором принимала солнечную ванну, бросила на Майру один мимолетный и равнодушный взгляд, молча повернулась и ушла в дом, оставив сгоравшую от злобы соседку торчать над выстроенным Бобби добротным забором. Разъяренная Майра была похожа на яркого, слегка спятившего австралийского попугая, каких у нас так часто любят держать дома. Она была маленькая, тощенькая, с остреньким личиком, удивительно похожим на крысиную морду, и вообще, по-моему, смахивала на заветренный кусок говядины в витрине убогой мясной лавчонки, еще оставшейся среди тех трущоб, что давно уже подлежали сносу. И руки у Майры, как уверяла моя мать, висели, разумеется, ниже колен.

До этого случая, впрочем, взаимоотношения между нашими семьями были вполне дружественными. Однако с тех пор и сам Боб, и его увлечение садом-огородом (девять грядок с бобами и один улей для пчел-медоносов) все чаще становились главной целью наших тайных насмешек. Мы замечали, разумеется, что Боб чуть ли не каждый вечер прокра-

дывается в сад, явно стремясь обратиться подальше от ядовитого язычка своей вечно взвинченной супруги. Часто, закончив свою таинственную возню с землей, завершив процесс рыхления и посадки, Боб подолгу стоял у изгороди, сунув руки в карманы и устремив взгляд своих тусклых, каких-то безжизненных глаз в сторону далеких холмов, и насвистывал что-то немелодичное и печальное. Из нашей кухни его можно было разглядеть лишь с трудом сквозь волны липкого ночного тумана, столь характерного для нашего климата. Задернув занавески, мать ставила на газ чайник и начинала в очередной раз оплакивать свою жизнь, а потом принималась подшучивать над Бобби-боем (так она всегда называла нашего соседа), пытаясь угадать, какие еще невзгоды обрушатся на него завтра, прежде чем он снова в печали застынет у изгороди в дальнем конце своего сада.

А вот надежной его изгородь никак нельзя было назвать. Нет, поработал-то он на славу, можно сказать, даже облагородил ее, и проволока была натянута ровно и достаточно высоко, как струны, каким бы странным ни показалось подобное сравнение. Однако для нас эта изгородь выглядела точно томики Стендаля на полках в деревенской библиотеке: впечатляюще, но абсолютно бесполезно для наших бытовых целей. Ведь коровам ничего не стоило ее преодолеть и зайти в огород, и мы не раз на рассвете или в наступающих вечерних сумерках наблюдали, как они обнюхивают, а потом и приподнимают мордой аккуратную щеколду на калитке, и

все стадо с топотом проникает внутрь, пожирая и сокрушая сочные побеги и стараясь поскорее набить каждый из четырех отделов своего желудка; но надо сказать, даже меланхоличный коровий взгляд оживлялся при виде порядка, царившего в садике Боба.

Правда, сам Боб весьма скептически относился к проявлениям коровьего интеллекта. И его сыну Филипу каждый раз здорово влетало за то, что он оставил садовую калитку незапертой. Даже у нас, за каменными стенами дома, были слышны грозные раскаты бешеного гнева Боба и его громкие сетования по поводу разгромленного парника с огурцами; эти горестные вопли исходили, казалось, из самых сокровенных глубин его души. Мне же регулярные выволочки, достававшиеся Филипу, доставляли даже определенное удовольствие – а все из-за наших с Филипом непростых отношений.

Нет, приятели у меня, конечно, имелись; точнее, не совсем приятели, а просто те, с кем я обычно вместе играл или учился в школе. Но из-за того, что мать частенько не пускала меня в школу – я без конца болел то одним, то другим, – я так и оставался для соседских детей личностью малознакомой, а уж мое имя, Лайэм, они и вовсе считали дурацким. Вообще-то они были просто маленькими дикарями с вечно ободранными коленками, жестокими глазами, нетерпимыми к окружающим устами и с сердцами, исполненными жарких страстей; в их диком племени имелись, разумеется,

собственные законы и ритуалы, а я там считался аутсайдером. В общем, я пришел к выводу, что заболеть и остаться дома – это даже хорошо: ведь, по крайней мере, болеть ты должен в одиночку.

Когда же я все-таки появлялся в школе, то каждый раз оказывалось, что я здорово отстал, причем чуть ли не по всем предметам. Нашей классной была миссис Бербедж, женщина лет пятидесяти с редкими рыжеватыми волосами и пожелтевшими от постоянного курения кончиками пальцев. Учила она нас примерно так: говорила, чтобы я встал и объяснил всему классу смысл поговорки «Never spoil the ship for a ha'pennyworth of tar»². Миссис Бербедж всегда носила с собой большую клетчатую сумку, набитую битком, и, войдя утром в класс, первым делом с глухим стуком роняла эту сумку на пол возле учительского стола, а затем почти сразу начинались бесконечные крики и затрешины. Она была самым настоящим тираном, и нам оставалось лишь трудиться из последних сил и мечтать о возмездии, а между тем незаметно пролетали один за другим сладкие годы нашего детства. Кое у кого из ребят даже возникали кровожадные планы убийства миссис Бербедж.

На уроках природоведения, которые вела она же, мы были обязаны сидеть, заложив руки за спину, и слушать, как она читает нам о привычках зеленушек. Весной темой ее уроков становился краснотал, который, как она считала, был инте-

² Букв.: «Никогда не порти корабль ради капли дегтя стоимостью полпенни».

ресен абсолютно всем детям в мире. Но лучше всего я помню как раз не весну, а то время года, когда свет приходилось зажигать уже в одиннадцать утра, а крыши домов и даже фабричные трубы содрогались под сплошными потоками дождя. К четырем часам дневной свет практически меркнул, его словно всасывало в себя вечно хмурое небо; ноги в резиновых сапогах чавкали в жидкой грязи, смешанной с опавшими листьями; дыхание, вырывавшееся изо рта, повисало в сыром воздухе зловещим маревом.

Дети, наслушавшись сплетен, которые распускали их родители, начинали задавать мне всякие гнусные вопросы – особенно этим отличались девочки – о том, как это у нас в доме все устроено и кто в какой комнате спит. Я не совсем понимал, с какой целью задаются эти вопросы, и смысла в них особого не видел, но знал, что лучше на них вообще не отвечать. Случались и драки – так, пара затрещин и царапин, ничего особенного, но наш Жилец, узнав об этом, сказал: «Я научу тебя драться». И стоило мне применить его советы на практике, как я оказался победителем, оставив после своего ухода размазанные по щекам слезы и кровоточащие носы. То был подлинный триумф научного подхода к такому явлению, как детская драка, победа разума над дикостью и бессмысленной жестокостью, однако у меня все же остался во рту какой-то неприятный привкус, а в душе поселился неясный страх перед будущим. Я вообще предпочитал спастись бегством, а не вступать в драку, но когда я в очередной раз

позорно покидал поле боя, крутые улочки нашего поселка начинали расплываться у меня перед глазами в жидком тумане, мне не хватало воздуха, а грудная клетка судорожно раздувалась, но не позволяла сердцу вырваться на свободу, и оно билось и металось, как лобстер, норовящий выпрыгнуть из кастрюли с кипятком.

Собственно, рассказывать о моих отношениях с детьми Боба практически нечего: никаких отношений, можно сказать, и не существовало. Хотя довольно часто, когда я играл на улице, Филип и его сестра Сьюзи выходили в свой сад и начинали швыряться в меня камнями. Вспоминая об этом сейчас, я по-прежнему не могу понять: ну откуда у Боба в саду могли взяться камни? Причем не какие-то случайно оставшиеся там камешки, а самые настоящие боевые снаряды. Должно быть, дети Боба специально их собирали и считали, что оказывают отцу большую услугу, швыряясь ими в меня. Они, похоже, хватались за любую возможность, чтобы подлизаться к отцу, который становился все более странным, держался все более отчужденно и питался какими-то совсем уж невероятными вещами.

Сьюзи являла собой настоящую маленькую женщину, очень жестокую, с какой-то устрашающей, во весь рот, улыбкой, похожей на щель металлического почтового ящика. Повиснув на калитке, она осыпала меня ядовитыми насмешками. Филип был старше меня года на три. Голова у него была весьма необычной формы, похожая на кокос, а в узких серых

глазах вечно блуждало то ли озадаченное, то ли недоумевающее выражение; еще у него была привычка как-то странно дергать шей – вбок, словно уходя от затрещины; казалось, он постоянно тренируется в умении спастись от отцовских побоев, которые неизменно получал, стоило коровам в очередной раз забраться в огород; возможно, некоторые из тех затрещин были настолько сильными, что даже вызвали у Филипа небольшое сотрясение мозга. Что же до обстрела меня «боевыми снарядами», то зря эти брат с сестрой так уж старались: мне не составляло особого труда увернуться от брошенных ими камней, а вот возможностей попасть точно в цель у Филипа было не так уж много; когда же мне надоело увертываться или когда я понимал, что уже оставил его в дураках, я попросту уходил в дом, потому что видел, какая разрушительная глубинная ярость пылает в его душе и стремится вырваться наружу в обличье некоего жуткого свирепого существа; скажу по правде, я потом не раз видел подобное выражение у крупных и вполне интеллигентных псов, которых тем не менее постоянно держат на привязи. При этом я вовсе не хочу сказать, что считал Филипа каким-то диким зверем; я никогда так не думал – ни тогда, ни сейчас; однако в голову мне неоднократно приходила мысль о том, что у каждого человека есть скрытая сущность, некое тайное неистовство или жестокость, и, думая так, я завидовал очевидной силе тощих жилистых рук Филипа, покрытых узлами вен, как у взрослого мужчины. Да, я ему завидовал

и одновременно ненавидел и проклинал его за то, что он в силу своей рабской природы позволяет кому-то держать его в полном подчинении, и я очень надеялся, что у меня-то характер совсем другой. Иногда, правда, я и сам начинал собирать и складывать в кучку затвердевшие комья земли, камни и ветки, а потом метал все это в своих недругов, завывая как демон и щедро осыпая их ругательствами, почерпнутыми мной в художественной литературе: мошенник, рогоносец, подлец, ублюдок, жалкая шавка.

С течением времени Боб становился все более несдержанным в выражениях и все более опасным при вспышках своего бешеного гнева; казалось, даже его одежда да и весь его облик отражают странную несогласованность в его мыслях и действиях; одежда болталась на нем, как на вешалке, надетая кое-как, и словно пыталась сбежать от этого сумасшедшего и вернуться в безопасное нутро гардероба. Боб купил мотороллер, но тот каждый божий день глохнул у него точнехонько перед автобусной остановкой на вершине холма. Очередь, поджидавшая автобус, чтобы добраться до соседнего поселка, обычно состояла из одних и тех же людей, и каждое утро все они с нетерпением ожидали очередного спектакля с Бобом и его мотороллером в главных ролях. В этот период времени Филип стал довольно часто подходить к изгороди, разграничивавшей наши участки, и разговаривать со мной. Разговоры он, правда, вел весьма осторожно, с бесчисленными недомолвками. Знаю ли я, спрашивал он, например, назва-

ния всех девяти планет нашей солнечной системы? Да, конечно, отвечал я. И Филип тут же заявлял, что поспорил с кем-то, будто я знаю только Венеру и Марс. В ответ я перечислял все девять планет и сообщал, что у некоторых из них еще и спутники имеются, не забывая пояснить, что спутник – это такая маленькая планетка, которая вращается вокруг большой, удерживаемая некими неподвластными ей самой силами (я имел в виду силу притяжения); например, спутники Сатурна, продолжал я, называются Диона, Титан и Феб, а спутники Марса – Деймос и Фобос. Произнося слово «Фобос», я всегда чувствовал комок в горле, зная, что это слово означает «страх, ужас», а потому произнести его вслух – все равно что этот ужас почувствовать и вызвать всякие неприятные мысли: о нашем Жильце, о той двери в стене, о призраках надвигающейся ночи.

А потом Филип снова начинал кидаться камнями, и я уходил в дом. Устроившись за кухонным столом, я рисовал и все время поглядывал на часы: мне не хотелось дожидаться внизу того момента, когда домой зайвится наш Жилец.

Теперь мы с Филипом ходили в разные школы. В плане вероисповедания и в нашем поселке все было поделено очень четко. Но если взрослые все же проявляли определенную терпимость – возможно, впрочем, им было просто плевать на принадлежность к той или иной конфессии, их куда больше интересовали ставки на ту или иную футбольную команду или возможность заключить какую-нибудь сделку в рас-

срочку, – то дети были непримиримы и упорно продолжали словесные поединки, пользуясь примерно теми же дразнилками, какие вам, наверное, не раз доводилось слышать на улицах Белфаста или Глазго. Сьюзи, например, часто – и весьма немзыкально – напевала, а точнее выкрикивала, известную частушку, сопровождая свое «пение» насмешливым кудахтаньем:

Наш король Билли – джентльмен настоящий,
С золотой цепочкой и часами блестящими.
Жалкий папский прихлебатель, он на нашей улице,
Собирая милостыню, с нищими соревнуется.

Когда Филип начинал обзывать нас «ирландскими свиньями», да еще и «грязными болотными свиньями», у меня прямо-таки кровь закипала в жилах. У меня просто руки чесались – до того хотелось раздобыть ружье и нажать на спусковой крючок. В итоге наши почтовые ящики превращались в крепости, и Филип продолжал швыряться камнями в меня, а я – в него.

Но моя территория все больше сжималась; нигде мне не было покоя – ни дома, ни в саду, ни в школе. Я был полновластным хозяином только того пространства, что помещалось внутри моей грудной клетки, да и эта заповедная территория была покрыта шрамами, результатами былых сражений, внезапных вражеских атак и затяжных зимних военных кампаний. Матери я, разумеется, о стычках с внешним

врагом ничего не рассказывал – отчасти потому, что у нее и так хватало забот и волнений, а отчасти потому, что ползучая жалость помимо моей воли вторгалась даже в мое ожесточившееся сердце: я же видел, насколько обострились отношения Филипа с отцом, как часто Боб наказывает его из-за вторгшихся в огород коров, отчего голова Филипа непроизвольно дергается, и он судорожно втягивает ее в плечи. А Бобби после этого выгонял свой мотороллер и бешено ударял ногой по педали газа. И в итоге мы, дети, совсем перестали понимать, в чем же заключаются наши обязанности.

А Боб вскоре перестал придерживаться установленного им самим расписания; теперь он все делал как бы вперемешку: мерил шагами участок, рыхлил землю мотыгой, лежал в засаде, поджидая то ли Филипа, то ли коров, то ли неких откровений свыше. Скорчившись в уголке у ограды, он в своем синем комбинезоне выглядел костлявым, как скелет. Но коровы, когда он специально пытался их подкараулить, никогда даже близко к ограде не подходили. А моя мать, выглянув в окошко и заметив притаившегося Боба, кривила губы в усмешке. «Ну что ж, каждый сам творит свою удачу», – говорила она. Теперь и наши соседи-сплетники переключились на Бобби и частенько его обсуждали; их, похоже, больше не интересовало, вернулся ли мой отец домой или нет; их куда больше занимало экстравагантное поведение Бобби. А Боб как ни в чем не бывало полон сорняки, рыхлил землю, но не забывал одним глазом поглядывать через плечо, опа-

саясь нашествия коров.

Мать сказала мне, что раз уж дела у нас в семье пошли на поправку, то я, возможно, смогу поступить в гимназию, нужно только подать заявление. Она говорила об этом, весело потряхивая головой, и ее красивые волосы, такие темные и блестящие, волной падали ей на плечи. Мы теперь сумеем даже школьную форму тебе купить, радостно продолжала она, а то ведь мы и этого не могли себе позволить. Поступить оказалось легко, хоть я и опасался, что на экзамене будут задавать всякие каверзные вопросы. Зато матери я тогда сразу задал все свои вопросы: «Где мой папа? Куда он уехал? Он хоть написал тебе?»

«Он, вполне возможно, уже умер, а больше я о нем ничего не знаю, – сказала она. – Сейчас он, наверное, в чистилище, а там, как тебе известно, почтовые марки не продаются».

Как раз в тот год, когда я поступал в гимназию, Бобби решил выращивать кресс-салат в цветочных горшках. А потом подолгу торчал перед своим домом, пытаясь продать его соседям и уверяя их, что кресс-салат чрезвычайно полезен и питателен. Майра напрочь утратила прежнее положение жуткой склочницы из трущоб в здешнем обществе – и жутко отошчала, просто кожа да кости. Она стала похожа на какой-то засохший стручок или кусок шелухи из пыльных стеклянных банок, на продаже которых Боб как-то влачил свое существование.

На ежегодный экзамен по Закону Божьему у нас в началь-

ной школе всегда приглашали католического священника; и это был последний раз для меня. Он сразу занял высокое кресло нашей директрисы, осторожно расположив на деревянной приступке свои широкие ступни в грубых башмаках. Священник был уже старенький, страдал одышкой, и от него исходил слабый запах влажной шерсти, лекарственных припарок, микстуры от кашля и набожности. Он очень любил задавать всякие заковыристые вопросы. «Нарисуй мне душу», – говорил он. А недалекий ребенок, взяв в руки мел, изображал на доске нечто, более всего похожее на человеческую почку или, может, на подметку ботинка. «Ах, нет, – расстраивался святой отец, хрипя и задыхаясь, – это не то. Душа, малыш, это сердце».

В тот год мне исполнилось десять лет, и к этому времени наше материальное положение и впрямь существенно изменилось. Мать оказалась права, сделав ставку на нашего холерического Жильца. Он оказался человеком невероятно мобильным, и вскоре мы вместе с ним переехали в маленький симпатичный городок, очень аккуратный и с более теплым климатом; весна там наступала гораздо раньше, и дома буквально утопали среди цветущих вишневых деревьев; лужайки перед домами были тщательно подстрижены, и над ними неслышно носились дрозды. Если шел дождь, тамошние жители говорили: ну что ж, для сада это очень даже хорошо, а в том рабочем поселке, где мы жили раньше, дождь воспринимали как одну из бесчисленных неприятностей, уготован-

ных людям жестокой судьбой. Я почему-то всегда был уверен, что Боб прятался среди истерзанных непогодой грядок с салатом из-за горестей, недоумения и своего чрезмерного трудолюбия. К нашему отъезду казалось, кости его гремят, отвечая на наш прощальный смех. О Филипе я тогда вообще не думал. Я выбросил его из головы, словно его никогда и на свете не было. «Ты, главное, никому не говори, что мы не женаты, – заговорщицким тоном предупреждала меня мать, словно радуясь своей двойной жизни. – Запомни: о нашей семье никогда и никому ни слова. Нечего им в наши дела нос совать». А еще нельзя дразниться через садовую изгородь, думал я. И слово «фобос» тоже произносить нельзя.

Лишь много позже, уже покинув родной дом, я понял, какой веселой и беззаботной была наша тогдашняя жизнь – как свободно люди разговаривали друг с другом, как свободно они жили. В их жизни не было тайн, в их сущности не было яда. Люди, которых я тогда знал, обладали невинностью и открытостью, мне самому, увы, совершенно не свойственными; если же я когда-то и обладал подобными качествами, то давным-давно их утратил, они словно растворились в вечерних туманах, в сумерках, которые сгущались уже к четырем часам дня, в садиках, разделенных убогими изгородями и межами, заросшими сорной травой.

Я стал юристом; ведь, как говорится, надо же на что-то жить, не так ли? Промелькнуло целое десятилетие – шестидесятые годы, – и собственное детство стало казаться мне

принадлежащим совершенно иному, куда более древнему и куда более сумрачному миру. То был мой собственный внутренний мир, и я порой посещал его во сне, но каждый такой сон потом словно отбрасывал мрачную тень на весь последующий день моей жизни. Начались беспорядки в Северной Ирландии, и моя семья вечно ввязывалась в споры по этому поводу, а в газетах было полно фотографий – улицы с сожженными магазинами, а рядом их несчастные хозяева, и лица их так напоминали наши собственные.

Филип вновь появился в моей жизни, когда я успел уже стать взрослым и получить профессию; я жил тогда вдали от родного дома, но однажды приехал туда в гости. Солнечным пасхальным утром я завтракал в столовой, и окна ее, выходящие в сад, были распахнуты настежь, а за окнами виднелись аккуратно подстриженная лужайка и декоративная альпийская горка. Поскольку меня принимали как гостя, то за завтраком тост мне подали на тарелке, а джем положили в отдельную плошечку. До чего же изменилась здешняя жизнь, думал я, просто до неузнаваемости! Даже наш Жилец стал выглядеть почти цивилизованным: носил деловой костюм и посещал собрания «Ротари Клуб»³.

Моя мать, в последнее время немного пополнившая, при-

³ Международный клуб для бизнесменов и представителей свободных профессий, причем каждая профессия представлена в клубе только одним членом; клуб основан в 1905 г.; его название образовано от слова «rotation», чередование, поскольку первоначально заседания происходили поочередно у каждого из его членов.

села напротив и протянула мне местную газету, свернутую так, чтобы видна была лишь конкретная фотография.

– Посмотри-ка, – сказала она, – это свадьба той Сюзии, что по соседству жила.

Я взял газету и, отложив тост, стал рассматривать лицо и фигуру той бывшей девочки, что тоже жила когда-то в стране моего детства. Сюзии выглядела все такой же «сердиткой»; она даже букет невесты держала в руках точно дубинку. Хотя все же в улыбке немного приподняла свою тяжеловатую челюсть. Рядом с ней стоял новоиспеченный супруг, а чуть позади неясными и ирреальными световыми пятнами виднелась родня. Я стал искать среди них того, кого мог бы теперь узнать, и нашел: Филип, ссутулившись и как бы смутно кому-то угрожая, наполовину скрывался за рамкой фотографии.

– А где теперь ее брат? – спросил я. – Он был на свадьбе?

– Филип? – Мать как-то удивленно на меня посмотрела и некоторое время молчала. Она даже рот слегка приоткрыла – воплощенная неуверенность – и, сама того не замечая, крошила пальцами кусочек тоста. – Неужели тебе никто не рассказывал? Ну, о том несчастном случае? По-моему, я тебе говорила... Разве я тебе сразу же обо всем не написала? – Она нахмурилась, даже тарелку со своим скромным завтраком сердито оттолкнула и смотрела на меня укоризненно: похоже, я сильно ее разочаровал. – Он же умер! – вымолвила она наконец.

– Умер? Как? Когда?

Мать кончиком пальца сняла с уголка рта какую-то крошку.

– Сам себя убил. – Она встала, подошла к кухонному буфету, выдвинула какой-то ящик, порылась под столовыми салфетками и фотографиями. – Вот, у меня сохранилась та газета. А ведь мне казалось, что я ее тебе послала...

Я понимал, что давно уже изо всех сил стараюсь буквально по кускам отсечь от себя свою прежнюю жизнь, вырвать ее из души и тела, а потому, естественно, многое пропустил. Однако мне казалось, что я все же не пропустил ничего существенного. Но смерть Филипа... Я вспомнил, как он кидался в меня камнями, как смущенно щурил свои серые глаза; вспомнил, что его голенастые ноги ниже края шортов были вечно покрыты синяками и ссадинами...

– С тех пор уже несколько лет прошло, – сказала мать, вновь присаживаясь к столу и протягивая мне найденную газету.

Как же быстро желтеют новостные издания! Глядя на эту газету, можно было подумать, что она из хранилища Викторианской публичной библиотеки. Я тут же начал читать и узнал, что Филип сам себя взорвал. Впрочем, в газете были приведены и подробный отчет coronера, и решение суда, в котором сие прискорбное событие именовалось «смертью в результате несчастного случая».

Филип смастерил в садовом сарае Боба некое взрывное

устройство «на основе сахара и гербицидов». Причуды того времени – странные хобби, в том числе и по изготовлению различных взрывных устройств в домашних условиях; особенно это стало популярным после событий в Белфасте. Бомба Филипа – так и осталось невыясненным, с какой целью он ее изготовил, – в итоге неожиданно взорвалась прямо ему в лицо. И я вдруг начал размышлять: о чем он успел подумать в момент взрыва? Что осталось в его памяти? Сарай, мгновенно превратившийся в груды мусора? Горка пыли там, где высились стопки пустых цветочных горшков? Или то, как коровы на пастбище, услышав громкий хлопок, с любопытством повернули в ту сторону головы? И у меня вдруг промелькнула совершенно неуместная мысль: а ведь Ирландия в конце концов все-таки его погубила, зато я, один из «временных»⁴, один из «черных беретов», жив и невредим. Филипп был первым погибшим среди моих сверстников. И я теперь часто его вспоминаю. Ведь его же погубил какой-то... гербицид – услужливо подсказывает мне память. Гербицид – словно это слово требовало повторения. Впрочем, у меня самого взрыватель более замедленного действия.

⁴ Provisionals – «временные», или «шин-фейнеры», члены и сторонники «временного» крыла партии Шин-фейн; выступают за объединение Ирландии путем вооруженной борьбы с применением террористических методов. Национально-освободительная партия Шин-фейн, созданная в 1905 г., объединявшая представителей мелкой и средней буржуазии и радикальной интеллигенции и выступавшая за освобождение Ирландии от английского колониального господства.

Сгинувший

В раннем детстве я часто спотыкалась и падала, с трудом перебираясь через бордюрный камень на тротуаре, куда выходила задняя дверь нашего дома, так что во время прогулок меня обычно сопровождал пес Виктор. Мы с большими предосторожностями пересекали двор, и я мертвой хваткой вцеплялась в ошейник пса и в густую жесткую шерсть у него на загривке. Виктор был уже стар, а его потрепанный кожаный ошейник стал совсем мягким и сильно истончился, так что держаться за него мне было очень удобно. Солнечный свет отражался от шиферных крыш и булыжной мостовой, между камнями которой расцветали одуванчики; старухи выбирались на крыльцо подышать воздухом, усаживались на кухонные табуретки и подолгу сидели, то и дело расправляя юбку на коленях. А где-то далеко-далеко от нас – на фабриках, в полях, на угольных шахтах – Англия с унылым упорством продолжала двигаться вперед.

Моя мать всегда говорила, что замены не имеет ничто на свете, что каждая вещь обладает собственной внутренней ценностью и не похожа ни на что другое. Все в нашей жизни случается лишь однажды, счастье повторить невозможно, а потому, утверждала она, каждый ребенок должен иметь свое имя, свойственное лишь ему одному. Детей вообще нельзя называть в честь кого-то другого, и сама она всегда была про-

тив подобного обычая.

Но почему же тогда мама нарушила свое собственное правило? Я и до сих пор пытаюсь это понять, а пока что расскажу одну историю о собаках, которая, пожалуй, имеет к решению этого вопроса некое косвенное отношение. Итак, если я сумею представить определенные веские доказательства, не согласитесь ли вы взять на себя роль судей?

По-моему, моя мать столь твердо придерживалась упомянутых убеждений именно потому, что сама была названа в честь одной своей родственницы по имени Клара, которая погибла в результате несчастного случая, катаясь на лодке. Если бы эта Клара не утонула, ей бы сейчас было уже 107 лет. По поводу характера этой Клары не было известно ровно ничего, так что и мать моя не досадовала по поводу такого замещения одного человека другим. Причина маминского негодования заключалась в другом: больше всего ее злило то, как ее имя произносят жители нашей деревни: «Кла-а-арай-ра». Оно выползло из их уст, как нечто липкое, тянущееся, похожее на выдавленную из тюбика соплю клея.

В то время у нас в поселке все считались друг другу какими-то родственниками – кузинами и кузенами, тетушками и двоюродными бабушками, – и все жили в одинаковых домишках, выстроившихся унылыми рядами. Соседи – и дети, и взрослые – постоянно шныряли из одного дома в другой и обычно без стука, и моя мать каждый раз со вздохом замечала, что в цивилизованном мире принято сперва постучаться.

На ее замечания, правда, никто не реагировал – ну, глянет на нее человек с полным непониманием абсолютно стеклянными глазами и продолжает вести себя, как обычно. В общем, между тем воздействием, которое мать, как ей представлялось, оказывала на окружавший ее мир, и тем результатом, которого ей на самом деле удавалось достичь, было страшное несоответствие. Но это я поняла гораздо позже. А тогда, в мои семь лет, мама была для меня и солнцем, и луной, и всем на свете. Она, как Господь Бог, была всюду и всегда. Она даже мысли мои умела читать, когда сама я еще и книжки-то читать как следует не научилась и добралась только до «Зеленой книги», недалеко ушедшей от детского букваря.

На нашей улице и буквально в соседней квартире проживала и моя тетя Конни. Она действительно была моей родственницей, даже, кажется, кузиной, но я называла ее тетей, потому что для кузины она, на мой взгляд, была старовата. Вообще все родственные связи были настолько перемешаны и перепутаны, что разбираться в них не хотелось, да это было и не обязательно: достаточно было знать, что пес Виктор живет у Конни и большую часть времени проводит под кухонным столом. Конни каждый день кормила его мясным пирогом, за которым специально ходила в булочную на дальнем конце улицы. А еще он с удовольствием ел фрукты и вообще все, что мог раздобыть. Видя это, моя мать не уставала повторять, что собак следует кормить правильной собачьей едой из банок.

К тому времени, как мне исполнилось семь, Виктор уже умер, но самого дня его смерти я не помню; помню только, что меня вдруг охватило непонятное тоскливое ощущение необратимости случившегося. Конни называли вдовой, и я считала, что она вдова чуть ли не с рождения. Лишь став старше, я поняла, что слово «вдова» означает, что у нее когда-то имелся муж. «Бедная Конни! – говорили люди. – Как только она переживет еще один тяжкий удар – смерть верного пса».

На седьмой день рождения мне подарили часы, а на восьмой, через год, я попросила щенка. Когда в семье впервые заговорили о возможном приобретении собаки, моя мать заявила, что хочет пекинеса. И после этих слов жители нашей деревни стали поглядывать на нее в точности так же, как когда она намекала, что цивилизованным людям следует сперва постучаться, а уж потом входить. Сама мысль о том, что у кого-то в нашем поселке может появиться пекинес, большинству соседей представлялась просто нелепой; и я, кстати, отлично их понимала. Да такую собачку у нас запросто могли бы убить, освежевать и поджарить.

И тогда я заявила:

– Нет уж! Это все-таки мой день рождения! И я бы хотела такую собаку, как Виктор.

– Но Виктор же был обыкновенной дворнягой! – возразила мать.

– Вот и пусть у меня будет обыкновенная дворняга! – не

сдавалась я.

Видите ли, я тогда считала, что дворняга – это тоже такая порода собак. Я хорошо помнила, как тетя Конни восхищалась: «Эти дворняжки такие верные!»

Мысль о верности грела мне душу. Хотя я толком еще не понимала, каково истинное значение понятия «верность».

В конце концов оказалось, что дворняжка – это наиболее дешевый вариант, и мама уступила. В день своего рождения я с самого утра отчего-то страшно волновалась. А потом к нам пришел какой-то паренек с фермы Годбера и принес щенка. Песик стоял, моргая глазками и весь дрожа, на ковре перед камином, и его крошечные лапки казались хрупкими, как куриные косточки. День рождения у меня зимой, а в тот день еще и мороз ударил, так что все дороги подмерзли. Щеночек был белый, как Виктор, и хвостик у него был кренделем, как у Виктора, а на спинке коричневое пятно, похожее на седло, благодаря чему он казался похожим на исключительно полезное вьючное домашнее животное. Я пощупала шерстку у него на загривке и рассудила, что когда-нибудь эта шерсть наверняка станет достаточно густой и длинной, чтобы за нее можно было цепляться.

А тот парень с фермы Годбера тем временем довольно долго о чем-то беседовал на кухне с моим отчимом, которого мне велели называть «папа». Я к их разговору не очень прислушивалась, но потом мальчик вдруг громко воскликнул: «Это же просто ужас!» – но я так и не поняла, о чем это

он. Когда парнишка собрался уходить, мой отчим зачем-то решил пойти вместе с ним, и они, выходя за дверь, так оживленно болтали, словно были давними приятелями.

Я в то время никак не могла понять, как людям удается распознавать друг друга. Вот скажут, например: «Ну, ты же *ее* знаешь; ну, *ее*, она еще *за него* замуж вышла! Девичья-то фамилия у нее была Констант, а может, Райли. Вот попробуй тут догадаться, с чего это ее фамилия вдруг изменилась? И что вообще происходит с человеком, когда у него фамилия меняется? Нет, правда, что?» Поэтому, когда кто-то выходил из дома, я всегда пыталась представить себе, в качестве кого или чего этот человек вернется назад и вернется ли вообще. Но я бы не хотела прозвучать наивно или как-то по-детски. Сама-то я уже тогда отлично понимала и могла назвать и причину, и цель любого своего поступка. А потому считала, что другие люди просто становятся игрушками судьбы и жертвами собственных капризов. Я чувствовала себя единственной последовательницей логического мышления и единственным его бенефициаром.

В общем, когда мой отчим куда-то вдруг ушел, я обнаружила, что мы со щенком остались в гостиной одни перед едва горевшим огнем в камине, и решила поговорить с песиком, называя его Виктором. Готовясь к появлению щенка, я успела прочесть учебник по воспитанию собак и узнала, что собаки любят, когда с ними разговаривают негромко, спокойно и ласково, но никаких советов насчет того, что именно гово-

рить им таким тоном, в учебнике не было. Щенок, судя по его виду, пока что особых интересов в жизни не приобрел, и я решила поведать ему о тех вещах, которые были интересны мне самой. Я присела рядом с ним на корточки, чтобы его не смущала разница в наших размерах, и посмотрела ему прямо в глаза. Узнай и запомни мое лицо, безмолвно молила я его. И довольно долго о чем-то ему рассказывала, так что он, похоже, сперва заскучал, а потом вдруг упал на пол, словно под ним разом подломились все лапы, и уснул мертвым сном. Я уселась рядом и стала за ним наблюдать. На коленях у меня, правда, лежала раскрытая книга, но я ее не читала, а внимательно следила за Виктором, стараясь даже не шевелиться. Никогда еще прежде я не застывала в такой неподвижности. Я знала, что излишняя суетливость — это порок, и не раз пыталась со своей егозливостью бороться, однако даже не подозревала, что где-то во мне таится способность к такому абсолютному покою, к такой спокойной сосредоточенности, с какой я впервые примерно в течение полчаса наблюдала за Виктором.

Когда мой отчим вернулся, он показался мне каким-то встревоженным и довольно мрачным, а за пазухой что-то прятал. И вдруг оттуда выглянула совершенно лисьья мордочка, и черный нос принялся с шумом втягивать в себя воздух незнакомого помещения, а отчим сказал: «Это Майк. Чуть не сгинул, бедняга. Весь помет уничтожить собирались», и спустил принесенного щенка на пол. Тот оказался

крепеньким и таким упругим, словно был сделан из каучука. А шерстка у него была пятнистая. Он тут же подбежал к камину, потом бросился к Виктору, тщательно его обнюхал и принялся бегать по комнате кругами, время от времени кусая в воздухе что-то невидимое. От этих усилий у него даже язык из пасти вывалился. Но он не унимался и в итоге напрыгнул на Виктора, стал его тормошить и понарошку терзать, явно предлагая поиграть.

Майк – чтобы вам сразу стало понятно – вовсе не считался дополнительным подарком мне на день рождения. Моей законной собакой был Виктор, и за него я несла полную ответственность. А Майк сразу стал *второй* собакой: он принадлежал как бы всем и никому конкретно; за него никто никакой ответственности не нес. Виктор, как вскоре стало ясно, от рождения обладал весьма спокойным нравом и вообще был псом уравновешенным и благовоспитанным. Когда его впервые взяли на поводок, он повел себя просто идеально: сразу изящно пошел рядом, словно только так и ходил всю свою недолгую предшествующую жизнь.

А вот когда к ошейнику Майка впервые пристегнули поводок, пес мгновенно запаниковал, бросился к противоположному концу поводка, потом взвизгнул, закрутился в воздухе, куда-то рванулся и перекувырнулся через голову. Затем он шлепнулся на бок, так испуганно кося глазом, словно у него от ужаса вот-вот случится сердечный приступ. Я дрожащими руками начала возиться с ошейником, стремясь по-

скорее отстегнуть поводок и отпустить пса на волю; а он закатил перепуганные глаза, и даже шерсть у него на шее стала влажной от пережитого стресса.

Пусть немного подрастет, посоветовала мне мама, а потом снова попробуешь приучить его к поводку.

И все говорили: как это мило, что Виктор теперь живет у вас вместе с родным братом, что они будут вечно друг другу верны и т. д. и т. п. Мне-то самой так вовсе не казалось, но свои мысли на сей счет я предпочитала держать при себе.

Жизнь у щенков была очень даже хорошая, если бы не те призраки, что водились в нашем доме и по ночам вылезали то из кладовой с каменным полом, то из большого буфета, что стоял слева от камина. И уж будьте уверены – вода с них не капала, и они не были ни благородными дамами, ни светскими щеголями; никакого призрака утонувшей Клары в промокшей насквозь блузке, жуткими складками собравшейся у нее на шее, среди них не было. То были совсем иные призраки, с плотными рядами жутких острых зубов. Увидеть их было почти невозможно, зато их присутствие очень даже чувствовалось, особенно когда я замечала, что у собак дыбом встала шерсть на загривке, а по спине пробегает дрожь. Кстати, теперь шерсть у Виктора стала густой и длинной, хотя питались наши собаки отнюдь не баночным кормом, несмотря на все клятвы и заверения моей матери. Им доставались остатки всего того, что было у нас в тот день на обед или на ужин. У нас в доме вообще постоянно происходила

подмена понятий, хоть мама и утверждала, что такое невозможно, ибо, по ее словам, ни одна вещь ни на какую другую не похожа.

– Попробуй-ка снова приучить эту собаку к поводку, – сказала она мне как-то. Выражением «эта собака» всегда пользовались исключительно в отношении Майка. Так что Виктор на него не реагировал, а преспокойно сидел в уголке, поблескивая карими глазами. Он никогда никому свое присутствие не навязывал.

Я попробовала взять «эту собаку» на поводок. Майк тут же стрелой метнулся через всю комнату, увлекая меня за собой. Тогда я взяла в публичной библиотеке книжку «101 совет по уходу за собакой», но Майк ночью решил и сам поближе с ней познакомиться и в итоге сжевал ее всю, за исключением последних четырех советов. Не раз из-за его беспорядочных рывков я могла налететь на зеленую изгородь, свалиться в канал или в озеро, по которому местные жители любили кататься на лодках; Майк словно хотел, чтобы и я мешком плюхнулась в воду и утонула, как кузина Клара, сразу пошедшая ко дну, когда ее беспечный кавалер, сидя на веслах, слегка накренил лодку. Когда мне исполнилось девять, я стала особенно часто вспоминать Клару и то, как ее соломенная шляпа покачивалась на воде среди лилий.

В очередной раз моя мать нарушила ею же самой установленное правило, когда родился мой брат Пи Джи Пиг. Я слышала, как мои кузины и тетушки, понизив голос, обсуж-

дали выбор имени для будущего младенца. Мои соображения, разумеется, в расчет не принимались – они, конечно же, были уверены, что я скажу: «А давайте назовем его Виктором». Всерьез обсуждалось имя Роберт, но моя мать сказала, что привычного сокращения Боб она не вынесет. Получалось, что сперва нужно исключить все те имена, которые люди привыкли превращать во что-то другое. В результате имен осталось совсем немного – практически и выбирать-то не из чего. В конце концов мать остановилась на имени Питер, настаивая на том, чтобы оба его слога были непременно жестко закреплены и ни в коем случае не подвергались сокращению. Интересно, как она рассчитывала избежать этого сокращения, когда Пит пойдет в школу или станет играть со сверстниками в футбол? Когда он вырастет и станет ткачом на фабрике или солдатом в гимнастерке цвета хаки? Я задавала себе эти вопросы и в уме лишь пожимала плечами. При этом я смотрела на себя со стороны и как бы говорила: «Но я же просто спросила!» И невольно делала такой жест, растопырив пальцы и удивленно округлив глаза.

Но с именем этого младенца было связано и еще кое-что – и это «кое-что» впредь собирались *скрывать*. Подслушивая под дверью – да, прокравшись вдоль стены и прижавшись к ней, я подслушивала под дверью! – я узнала, что ребенку дадут еще и второе имя, и это будет имя Джордж, а ведь именно так звали покойного мужа тетушки Конни. «Да неужели у Конни был муж?» – удивлялась я про себя. Я тогда все еще

полагала, что вдова, как и дворняжка, – это просто такая самостоятельная разновидность живых существ.

Питер Джордж, повторяла я про себя, ПиДжи, Пииджии, Пи. Джи., P. G. Pig. Это означало, что его имя будет не просто Питер или Пит. Но почему это обсуждают тайком? Почему пригибаются и приглушают голос? *Потому что говорить об этом Конни ни в коем случае было нельзя!* Это было бы для нее уже слишком; если она об этом узнает, у нее начнутся бесконечные истерики. В общем, оказалось, что это имя – личная дань уважения, которую моя мать решила принести тому давным-давно сгинувшему Джорджу, о котором, насколько я помнила, она никогда раньше даже не упоминала; и ради принесения этой дани она готова была нарушить одну из самых стойких своих заповедей. Столь решительными, как она сказала, были ее мысли по этому поводу.

Но погодите. Погодите минутку. Дайте логике хотя бы в окошко к нам заглянуть. Ведь речь прежде всего идет о Конни, не так ли? О тете Конни, которая живет в соседней с нами квартире? И эта самая тетя Конни через три недели должна будет присутствовать на крестинах? У нас, католиков, обряд крещения стараются совершить как можно раньше, почти сразу после родов, поскольку все мы отлично помним о возможных происках дьявола. И вот тут я с легкостью представила себе, как ужасное слово «Джордж» тяжело срывается у священника с языка, вызвав болезненное стеснение у него в груди и заставляя голос его звучать, почти как стон; и,

выкатившись наружу, это имя с грохотом обрушивается на каменные плиты пола и катится дальше по нефу напрямиком к Конни; она лишь слабо взмахивает рукой, у нее вырывается полузадушенный возглас: «А-а... ах!» и... несчастная Конни падает как подкошенная. «Какая ужасная смерть, подумала я». И, нехорошо ухмыльнувшись, прибавила: «До чего нелепа будет ее причина!»

В итоге, разумеется, Конни обо всем узнала заблаговременно. Мать мрачно сообщила – и брови у нее грозно сошлись на переносице: «Ей в мясной лавке кто-то сболтнул, что мы хотим дать младенцу имя Джордж. А ведь она, благослови ее, Господи, зашла туда только, чтоб кусочек мяса купить...»

Я не выдержала и ушла. На кухне в углу сидел Виктор и скалился, слегка приподняв верхнюю губу цвета сырой печени. «Чего это он?» – удивилась я. Может, кто-то из наших привидений слишком рано объявился? И я вдруг подумала: «А что, если это Джордж?»

Конни, жившая в соседней квартире, как всегда возилась у себя в кухне, и мне было хорошо слышно, как за тонкой стенкой постукивает по эмалированной раковине ее металлический дуршлаг, как скребут по линолеуму ножки кухонного табурета. Ни сегодня, ни в последующие дни Конни как-то не проявляла ни малейших признаков истерики, горя или хотя бы ностальгии. Однако моя мать продолжала внимательно наблюдать за ней и все повторяла: «И все-таки не

следовало ей об этом говорить. Это ведь такое потрясение! У него могут быть весьма долгоиграющие последствия!» И мне показалось, что мама, говоря это, по какой-то причине выглядела несколько разочарованной.

Я и тогда не понимала, в чем тут было дело, да и теперь не понимаю; и совсем не уверена, что мне когда-либо захочется это понять; скорее всего, это был просто какой-то тактический ход, который, словно в игре, один человек пытался использовать против другого; как раз по этой причине я никогда не любила всякие настольные игры и развлечения вроде «колыбели для кошки», раскладывания пасьянсов и вырезания чего-нибудь ножницами из бумаги. Зима – не зима, а я предпочитала играть на улице с Виктором и Майком.

Пи. Джи. Пиг родился весной. Я уходила в поля, тянувшись за домом, чтобы не слышать воплей младенца и бесконечных разговоров о кормлении и срыгивании. Стоило мне остановиться, и Виктор, дрожа мелкой дрожью, тут же усаживался у моих ног. А Майк продолжал, как безумный, носиться кругами среди ромашек. Привычным жестом сдвинув на затылок несуществующую ковбойскую шляпу, я скребла в затылке, точно один из наших стариков, и восклицала с чувством: «Нет, это же просто с ума сойти!»

Мой братишка только-только начал учиться ходить, когда у Виктора вдруг стал портиться характер. Всегда такой сдержанный, даже застенчивый, он как-то помрачнел да еще и взял моду зубами щелкать. А однажды, когда я, выйдя на

улицу, хотела взять его на поводок, он вдруг подпрыгнул и слегка куснул меня в щеку. Будучи абсолютно уверенной в том, что непременно вырасту красавицей, я страшно боялась появления на лице всяких шрамов и отметин, а потому ментально промыла место укуса с мылом и вдобавок втерла в царапину немного неразбавленного «Деттола». Результат оказался чрезвычайно неприятным, куда хуже самого укуса; не выдержав жгучей боли, я завопила: «Черт, жжет как в аду!» Маму я ни о чем оповещать не собиралась, но она все поняла, учуяв знакомый запах антисептика.

А через некоторое время Виктор предпринял новое нападение – теперь на Пи. Джи. Пига, которого явно намеревался тяпнуть за лодыжку. Но ПиДжи обычно передвигался немецким гусиным шагом, и Виктор немного промахнулся – буквально на пару дюймов, – и в итоге я извлекла у него из пасти обрывок ползунков, сшитых мамой из полотенечного материала.

На взрослых Виктор не нападал. Наоборот, пятился от них, всячески уклоняясь от любой встречи. «Похоже, он только на детей охотится, – озабоченно заметила мама. – Вот что меня сбивает с толку».

Меня это тоже смущало. С какой это стати Виктор включает **меня** в число каких-то детей? Ведь если б он смог заглянуть в мою душу, думала я, то сразу бы понял, что я не подхожу под это описание.

К этому времени у нас в доме появился еще один малыш.

И, поскольку Виктору доверия больше не было, моя мать сказала, что с этим вопросом давно пора разобраться. Отчим плотно закутал Виктора в свое пальто. Но Виктор все же пытался вырваться. А когда мы с ним прощались и гладили его по голове, пришлось крепко держать собаке лапы и пасть. Он рычал на нас и злобно скалился. Отчим подхватил его и быстро понес куда-то на дальний конец улицы.

Мама сказала, что они подыскали там для Виктора новый дом – он теперь будет жить у одной пожилой бездетной пары, – и я страшно загрустила. Я легко могла себе представить, как смягчатся печальные лица этих стариков-домоседов при виде моей белой собаки, у которой такое чудесное коричневое седло на спине. Виктор заменит им ребенка, думала я. Неужели они тоже станут перебирать своими старыми пальцами густую шерсть у него на загривке и крепко за нее цепляться, как это делала я?

Вот ведь какой чепухе мне тогда хотелось верить! Даже странно. Маленький ПиДжиПиг соображал, оказывается, куда лучше меня. Как-то раз, сидя в уголке, он терпеливо складывал из синих кубиков башню, а потом вдруг с силой нанес по ней удар сбоку и громко крикнул: «Сгинь!»

Примерно через год после этого мы переехали в другой город. И мне вполне официально сменили фамилию. Пиг и второй малыш уже носили эту фамилию, так что им ничего менять было не нужно. Мама объяснила мне, что сплетни и злоба людская окончательно вышли из-под контроля, а зна-

чит, всегда найдется желающий сделать тебе гадость, если это, конечно, в его силах. Конни и другие тетушки, а также все прочие родственники приезжали к нам в гости. Но не слишком часто. Моя мать считала, что нам совершенно ни к чему снова начинать *весь этот цирк*.

А я вступила в тот период, когда в течение нескольких лет лишь притворялась чьей-то дочерью. Да и само слово «дочь» казалось мне каким-то блеклым и унылым, словно эта самая дочь горестным жестом приложила руку к щеке, да так и застыла навеки. Да, именно *горестным* – это слово хорошо сочеталось со словом «дочь». Иногда, вспоминая Виктора, я тоже предавалась горестному унынию. Сидела у себя в комнате над тетрадкой в клеточку и с помощью циркуля делила углы пополам под визг малышни, забавлявшейся с Майком, за окном. На самом деле я именно Майка винила в том, что Виктор в итоге от меня отвернулся, но ведь нельзя же до бесконечности винить в чем-то собаку.

После переезда в другой дом с Майком тоже произошла перемена, сходная по значимости, хотя и не по проявлениям, с той, что случилась с его братом икс лет тому назад. Я употребляю понятие «икс», потому что воспоминания о том отрезке моей жизни уже стали несколько расплывчатыми, так что, если речь идет о числах, вполне позволительно подменить то или иное число иксом. Сами события я помнила довольно хорошо, но кое-какие испытанные тогда чувства уже успела подзабыть; я почти забыла, например, что

именно чувствовала в тот день, когда Виктора впервые принесли к нам с фермы Годбера, а что, когда его отправили к новым хозяевам. Я помнила, как злобно он скалился, туго спеленутый своей «смирительной рубашкой», и когда отчим в последний раз выносил его из нашего дома, это рычание не прекратилось. Если бы в тот день Виктор сумел до меня добраться, то наверняка укусил бы до крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.